

Он всегда задавался этими вопросами.

Почему инстинкты подсказывали ему опасаться окружающих?

Почему они пытались направить его на определенные действия?

Почему они вообще у него были?

Но теперь Скотт начал понимать почему, собирая этот пазл. Его видения были несовершенными, они показывали ключевые моменты и какую-то часть информации, но не каждую секунду жизни Циклопа, только самые важные её части. Они предоставляли ему информацию, которая лучше всего помогала ему идти другим путем, и поэтому его инстинкты работали.

Несмотря на то, что он не мог видеть каждое мгновение, каждый момент жизни Циклопа, инстинкты, которые вселились в него, помогали заполнить пустоту.

«Мне следовало прислушаться к ним». - подумал Скотт, выглянув из окна на площадку. Дети, завернутые в плащи, бегали, радостно улыбаясь, когда их загоняла Робин Гановер в дом. За ночь до этого шёл дождь, земля стала грязной и наполнилась лужами, которые перепрыгивали рабочие. Все вышли на прогулку, но его не пригласили. Это был четвертый раз за последнюю неделю. Как и говорили ему его инстинкты, Робин нельзя было доверять, и он должен был прислушаться к ним. Она подобралась к нему поближе и открыла барьеры, которые он воздвиг, чтобы защитить себя, а затем, когда он почувствовал себя в безопасности, она покинула его. Робин игнорировала его существование, а когда у неё это не получалось, относилась к нему холодно и резко.

Его обманули, и он повёлся на это как отчаянный дурак.

"Скотт." сказал Мистер Милбери, войдя в комнату, с двумя рабочими.

"Время осмотра".

Ничего не сказав, Скотт тихо встал на ноги и последовал за рабочими, которые вели его за мистером Милбери, шедшего впереди них. Он был дураком, полагаясь на кого-то другого, дураком, который верил, что сможет попросить помощи у кого-то другого. Единственный, на кого он мог положиться, был он сам. Это была просто глупая надежда ребенка — полагаться на помощь взрослых, последний пережиток невинного ребенка, который верил в доброту других.

Крепко сжимая кулак, Скотт бесшумно двигался по комнате, в которую они вошли. Когда он забирался на операционный стол и ложился на него, работники привязали кожаные ремни к его запястьям, лодыжкам, талии и шее, крепко удерживая его. Тем временем мистер Милбери подошёл к шкафу, открыл его и вытащил небольшой шприц, наполненный тёмным, серым веществом. "Прискорбно то, что случилось с Богартами, с Ричардом и его женой, Тришей." - сказал Мистер Милбери. Скотт не ответил на его слова, просто промолчал.

"Они были так взволнованы твоим усыновлением. Ужасно, что их самолёт разбился всего за несколько дней до начала процесса усыновления.

Затем мистер Милбери подошёл к нему с улыбкой, и Скотт пристально посмотрел на потолок комнаты.

"Однако их безвременная и несчастная судьба позволяет нам обоим продолжать работать

вместе." - Сказал он, улыбаясь, прокалывая иглой кожу руки, медленно прижимая и впрыскивая вещество в вены. Скотт корчился, сильно скрипел зубами, чувствуя, как его тело горит, и стараясь не выпустить никаких звуков боли или дискомфорта. "Я продолжу работать с тобой, а ты получишь плоды моего труда. Это то, над чем я работал в течение долгого времени, надеюсь, что ты наслаждаешься этим."

Он резко дёргался и напрягался, когда его тело неконтролируемо тряслось, вены вздувались и отвратительно пульсировали, угрожая взорваться. Кровь хлынула из его губ, когда он прикусил язык в попытке утихомирить его крики боли, ногти он вонзал в плоть ладоней.

В конце концов, это зашло слишком далеко, и Скотт выпустил кляп, тело выгнулось прежде чем упасть, глаза медленно закатывались, и он потерял сознание.

Когда Скотт проснулся, то обнаружил себя не в своей комнате.

Он был в помещении, где он потерял сознание. Он был привязан к операционному столу, его не переместили в его комнату. Всё ещё находясь в ловушке, будучи привязанным к столу, он не был в состоянии двигаться. Он больше не намерен терпеть эти "медицинские осмотры", повторял себе Скотт, когда осваивал свою шею от слабой верёвки.

Часов не было, и он не мог сказать, сколько времени прошло с тех пор, как он упал без сознания, и не было окна, чтобы он мог видеть, что происходит на улице. Он был окружен каменными стенами со всех четырех сторон, одним ярким светом, излучавшим достаточно света, чтобы осветить его, но оставлявший углы комнаты затемнёнными. Медицинская аппаратура выстроилась вдоль комнаты. Она была аккуратно расположена в легкодоступных местах для тех, кто не был связан верёвками. Рядом лежали инструменты, с которыми Скотт был хорошо знаком, поскольку он достаточно провел времени в этой комнате.

Однако факт того, что комната была пуста, означает, что прошло как минимум несколько часов, что уже достаточно для завершения периода наблюдения.

Без сомнения записи о нём были стерты.

Должно что-то было произойти, это бы объяснило его исчезновение. Возможно, поддельная смерть. Тогда он будет зависеть от милости мистера Милбери на всю оставшуюся жизнь. Он будет экспериментировать, пока не удовлетворит своё большое любопытство. После этого он, вероятно, обратит внимание на своего брата.

Эти мысли заставили кулаки Скотта снова сжаться. Он потянулся за ремни, которые крепко удерживали его.

"Я не могу здесь оставаться. Больше не могу."

Он остался, пытаясь найти местонахождение своего брата, но не смог подобраться поближе, из-за рабочих, которые вели себя как роботы, когда наступала ночь. Его попытки ложиться на Робин провалились, вызвав смену её характера, из-за которой она начала его игнорировать.

Он мог ложиться только на себя.

Единственный, кто мог спасти брата — это он и только он.

Он отрицал свои инстинкты не только потому, что не знал, что они означают, но и потому, что он боялся того, что они заставят его что-либо сделать. Но теперь он принял их и внезапно, в момент нужды, когда всё стало ясно. Он изучал комнату, глядя на одно зеркало, зеркало около его рта. Оно было спрятано в узкой области, но было расположено под прямым углом, обычному человеку было бы сложно выстрелить в него.

Но он не был обычным.

Глаза покраснели, он посмотрел в сторону зеркала и выстрелил, лучи отразились и ударились о металлический зажим, который удерживал его на месте. Теперь, когда он мог двигаться более свободно, Скотт поднял шею и выстрелил снова, попав по рукам, вокруг талии, а затем по лодыжкам.

Он не знал, что ему вколол мистер Милбери, и какие ещё эксперименты над ним ставили, но его это не волновало. Скотт был свободен от ограничений, спрятан от мира, и его силы не были затронуты. Пришло время дать его инстинктам взять верх, довериться им и положиться на них, как он должен был поступить в начале.

Циклоп — был его частью, возможным его будущим, тем, кем он может стать.

Это были его инстинкты, и он мог полагаться только на себя.

Выстрелив оптическим лазером в дверь, Скотт прошел через дверной проём, наступив на сломанные остатки деревянной рамы, которая когда-то была дверью. Он осмотрелся, увидел, что кабинет мистера Милбери пуст, и направился к шкафу. Продвигаясь вперёд, Скотт открывал ящик за ящиком, пока, наконец, не добрался до секции S. Он просматривал многочисленные файлы, пока не нашел файл братьев Саммерсов. Он остановился на мгновение, чтобы увидеть там своё личное дело. Он вытащил его и увидел, что на нём было отмечено, что он умер. Эта информация рассмешила его, поскольку таким образом его домыслы подтвердились. Мистер Милбери отказался от всех предложений быть опекуном и держал его исключительно в экспериментальных целях. У него не было намерения позволить ему свободно жить и дать возможность другой семье, как Богары, усыновить его. Эта мысль разозлила Скотта. Его эмоции нарастали, когда рабочие, во главе которых была Робин Ганновер, устремились вниз по коридору.

Выйдя из кабинета, Скотт повернулся, и рабочие становились, смотря на него. Но прежде, чем они успели что-то сказать или сделать, глаза Скотта покраснели и энергетические лучи взорвались с ударной силой, которая отбросила их всех вниз, как только они пришли. Окна коридора разбились на крошечные осколки, которые заблестели в лунном свете, как звёздная пыль. Каждый из них закричал от боли, врезавшись в стены, прежде чем его глаза утихли. Когда они упали на землю, некоторые из них были в сознании, чтобы взглянуть на него, но ненадолго. Их тела представляли собой кучу сломанных костей и разорванных мышц. У них оставалось немного сил, чтобы посмотреть на него сквозь окровавленные взгляды. Скотт посмотрел на них пренебрежительно, перед тем, как отвернуться и спуститься по лестнице во двор. Хотя мистер Милбери не был в своем кабинете, он был поблизости и теперь стоял перед воротами, единственным выходом из приюта. Другие рабочие стояли позади него, сдерживаясь, словно они были на поводке, но чавкая, чтобы их выпустили, как бешеных животных.

Это было зрелище, которое Скотт узнал из видений, которые он лицезрел уже много раз.

"Телепатия?"- подумал Скотт, крепко сжимая в руках листок бумаги, продолжая идти к мистеру Милбери и рабочим. Теперь он получил свой ответ. Рабочие были как роботы, когда наступала ночь. Робин так внезапно изменилась. В этом замешан Милбери.

"Ты действительно этого хочешь, Скотт?" Глава Государственного приюта спросил его. Его лицо не показывает ни недовольства, ни радости по поводу его мятежных действий.

"Ты покинешь эти стены и узнаешь, насколько опасен мир для таких детей, как ты. Это даже плохо для обычного человека, нормального ребёнка быть там в одиночку. А ребёнок с способностями, как ты? Тебя всегда будут преследовать."

Скотт ничего не ответил, просто решительно двинулся вперед. Мистер Милбери продемонстрировал первый признак эмоций своим молчанием и решимостью, хмурым недовольством.

"Здесь ты в безопасности, ты можешь не бояться, поскольку тебя здесь никто украдёт. Я заботился о вас, защищал вас, вы поймете это очень скоро."

"Заткнись", - пробормотал наконец Скотт.

"Скотт..."

Его глаза ярко засветились, а глаза мистер Милбери от шока расширились.

"Я сказал," Скотт затем выпустил оптические взрывы, стреляя с такой силой, что ветер сдул воду и грязь, собравшуюся на земле, деревьях и стенах приюта. Луч пронёсся по улице, разбивая фонари, которые стояли на улицах, стекла машин и окон домов. Автомобильные сигнализации наполняли воздух и поглотили маленькую улицу в ослепляющем свете, который можно было видеть на протяжении многих миль. Прекрасный луч яркого красного света, сияющий как маяк в ночном небе. Луч, который медленно ослабевал, уменьшаясь в размерах и ширине до небольшой линии, которая постепенно исчезала. Скотт теперь стоял один. Мистера Милбери и рабочих нигде не было видно, вход свободен для него, и никого нет на его пути.

"Тихо."

Он стоял там некоторое время, оглядываясь на приют. Дети слышали шум и смотрели, что произошло. Они шептались со своими соседями по комнате. Затем все скрылись из виду, когда увидели, что он смотрит на них. Скотт поднял бумагу, на которой был он с братом и адрес Блэндинга. У него было то, за чем он пришёл. Теперь здесь для него ничего не было, нет причин оставаться.

Затем он начал идти вперёд, немного спотыкаясь, словно истощение от использования сил догнало его. Тем не менее, Скотт встал на ноги и продолжал продвигаться вперёд, поднимаясь вверх, преодолевая утомление и усталость, охватившие его тело. Боль от экспериментов всё ещё ощущались, но он игнорировал её силой воли.

Прямо как человек из его видений.

Он решительно ставил одну ногу перед другой, даже не оглядываясь назад.

Всегда двигаться вперёд и никогда не останавливаться.

<http://tl.rulate.ru/book/88415/2898305>